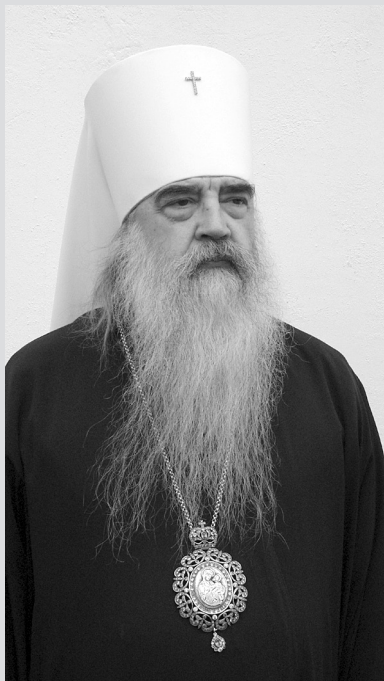

СВИДЕТЕЛЬСТВО: ПУТЬ ОТ МОЛЧАНИЯ К СЛОВУ И ОТ СЛОВА К БЕЗМОЛВИЮ

Высокопреосвященный
ФИЛАРЕТ (Вахромеев),
Митрополит Минский и
Слуцкий, Патриарший Экзарх
всёя Беларуси

МДА, кандидат богословия—1961, доктор honoris causa университетов: Галле (ГДР)—1983, Братиславы—1986, Праги—1986, Пряшева, Белгос-университета—1993, Гродненского госмедуниверситета—2001, Свято-Владимирской академии (Крествуд, Нью-Йорк, США)—2002, Свято-Сергиевского богословского института (Париж)—2003; Варшавской Теологической Христианской академии—2008, профессор—2000, доктор богословия—2003.

Ваше Блаженство,
дорогой Владыка Владимир!
Пресвященные владыки, досточтимые
отцы, братья и сестры!

Наша сегодняшняя встреча посвящена размышлениям о том, что такое свидетельство, о том, кто такие свидетели и как оно, свидетельство, возможно. Мы говорим не о свидетельстве вообще, но о свидетельстве исключительно в контексте религиозного опыта и духовных переживаний. В Священном Писании очень много говорится о свидетельстве, к которому мы призваны, стало быть, это очень важная тема.

Вспомним, что в греческом языке «свидетель» и «мученик» — одно и то же слово: (мартис). Предполагается, что свидетельство об истине — непременно страдание за нее. Но можем ли мы говорить о свидетельстве — за пределами разговора о мученичестве?

Мои размышления будут состоять из двух частей. В первой мы будем рассуждать о «рождении» слова, а во второй — о «рождении» безмолвия. И в первом и во втором случае речь идет не о Слове Ипостасном, но о слове, которое является основной структурной единицей языка. Говоря о рождении слова, мы будем отталкиваться от молчания, которое, прежде всего, является неспособностью внятно и слаженно говорить. Имеется в виду не просто дефект речи, а дефект выражения собственных мыслей — «коммуникативное косноязычие».

К сожалению, последнее встречается все чаще и чаще. Современнику все сложнее выражать свои мысли в непосредственном разговоре — особенно «лицом к лицу».

**Доклад Митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси на XII Международных Успенских чтениях*

Множество людей с помощью Интернета демонстрируют «всему свету» бедность своего словесного запаса и шаблонность мышления. Школьникам и студентам все сложнее не только понимать и пересказывать мысли великих мыслителей, но и описывать суть явлений, понимание которых лежит на поверхности. И это не всегда «гугнивость»: иногда это, напротив, безудержная трескотня и бесконечный поток слов ни о чем, свидетельствующий не о смысле, а скорее о том, что говорить-то, собственно, не о чем. Вот оно — «молчание» как указание на пустоту в человеческих отношениях. И это даже не просто молчание, поскольку молчание предполагает возможность говорения. Это — немота!

Эта немота проявляет себя не только на уровне самопознания и intersубъективности. Она поражает и наши взаимоотношения с Богом, нашу связь с Ним. Человек не в состоянии осознать и выразить свою греховность, не может просить, благодарить и славословить, — не может свидетельствовать. Это другое свойство немоты. Она не только не позволяет быть услышанным, но также приводит к потере себя. Религия (лат. religare — связывать) это восстановление коммуникативной связи между Богом и человеком. Это обретение себя и ближнего. Свидетельство в таком контексте — актуализация сего обретения, усваивание его в реалиях своей жизни.

Но не только духовная немота и афазия разрушает нашу связь с Богом. Празднословие и псевдорелигиозное многословие не менее пагубно и разрушительно. Иногда даже вместо реального покаяния человек начинает «просто признаваться» в тех грехах, о которых он читал. Он иногда не знает даже, что за грех подразумевается под тем или иным названием... Очень часто в устах наших слова о покаянии и благодарении Богу — всего лишь пустословие, произношение Имени Бога напрасно, многословие, запрещенное самим Господом нашим Ии-

сусом Христом, Который говорит: *Молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны* (Мф. 6: 7).

Чужие, «лишние» слова в этом случае оказывают медвежьё услугу. Услышанные со стороны, они могут представлять собой занятный факт для социолога, но о конкретном человеке не говорят ровно ничего. Избыточность слова — прямой путь к девальвации слова. Способ употребления слов, заключающийся в увеличении их количества, является антисвидетельством. Он тоже есть «немота», поскольку служит выражением ничто, пустоты. Здесь говорение пожирается бессмыслицей общих тем и превращается в шум, который в своей нечленораздельности есть поистине немота, молчание души.

Таким образом, о немоте мы сказали как о неспособности, с одной стороны, говорить, а с другой стороны, слышать — себя, ближнего, Бога.

Как же происходит преодоление немоты и «рождение» слова?

Чтобы ответить на этот вопрос, я предлагаю вспомнить историю двух благовестий. Одно из них было обращено архангелом Гавриилом к Захарии, отцу Иоанна Предтечи, а второе — к Деве Марии.

Послушаем апостола Луку. После слов Гавриила о грядущем рождении у Захарии сына апостол приводит ответ последнего: *И сказал Захария Ангелу: по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных. Ангел сказал ему в ответ: я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие; и вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время* (Лк. 1: 18-20).

Мы видим, что немота здесь является следствием неверия Захарии. И неверие это было усмотрено архангелом в вопросе Захарии: *почем я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных.*

Но вот, в той же главе Евангелия от Луки мы читаем о благовестии, бывшем к Деве Марии. Как и Захария (Лк. 1: 12), Мария после приветствия смутилась (Лк. 1: 29). А после благовестия она задает Божию посланнику вопрос: *как будет это, когда Я мужа не знаю?* (Лк. 1: 34). В этом вопросе мы можем увидеть параллель с вопросом Захарии, за которым последовало обличение и наказание немотой. Но вот здесь вместо наказания Гавриил указывает Деве на таинственное сошествие Святого Духа, за которым последует рождение Сына Божия.

Почему же один вопрос оказался наказанным, а второй — благословенным? Ответ на него имеет прямое отношение к нашей теме, потому что поможет нам понять источник немоты и путь ее преодоления.

Мы не имеем прямого разъяснения нашей проблемы в тексте Священного Писания. Но, вчитываясь в эти два диалога, особенно в заключительные слова Богородицы: *се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему* (Лк. 1: 38), мы, думается, можем предположить, что вопросы, если и были одинаковы по форме, то совершенно различались в том, как их задавали.

Захария, долгие годы пребывая бездетным, исполнен горечи, которая, словно в укор, звучит в его словах к Гавриилу: *ибо я стар, и жена моя в летах преклонных.* Эта преисполненность *своим* опытом, *своим* горем, то есть в конце концов преисполненность *собой* и определяется Гавриилом как безверие. Внутренняя перегруженность миром — то же, что и пустота. Здесь как бы случайно на доброй почве Захарииной души, о которой говорится, что она была праведна, *поступая по всем заповедям и уставам*

Господним беспорочно (Лк. 1: 6), прорастают плевелы древнего греха, и архангел наказывает праведного Захарию немотой за то, что лицо его обращено в прошлое, к своему горестному опыту бездетности, к своим мыслям, а не к Богу, у Которого *не останется бессильным никакое слово* (Лк. 1: 37). Св. Феофилакт Болгарский, толкуя соответствующее место, говорит, что молчанием Захария наказан за противоречие архангелу. Это наказание — как бы призыв господствовать над собственными сомнениями, страхами, обидой. Оно само — явление силы, побуждающее верить.

Подобное наказание немислимо в отношении Пречистой Девы, вопрос которой чист от греха, как чиста вся Ее жизнь. В нем нет обращенности в прошлое. В нём — смирение и упование, которые и звучат в финальных словах: *да будет мне по слову твоему.*

Наши рассуждения над Евангельским текстом приводят нас к выводу: духовное молчание, или, как мы говорим здесь, «немота», есть следствие страсти. Неслучайно в аскетической литературе подверженность страстям обличается как уподобление бессловесным животным. Страсть есть искажение естественных сил человека. Сама по себе она не имеет логоса, но лишь паразитирует на том, что даровано Богом. Поэтому ее преодоление предполагает в первую очередь послушание, образцом которого для всех нас является Дева Мария. Послушание возвращает нас к себе и к Богу, и оно само есть свидетельство.

Теперь нам нужно обратиться к тому, как, преодолевая духовную «гугнивость», рождается слово свидетельства. Захария, избавившись от немоты, становится отцом Иоанна Предтечи — друга и первого Христова свидетеля. К нему мы и обратим наше внимание.

Евангелист Иоанн, описывая свидетельство Предтечи, приводит его слова о Христе: *Сей был Тот, о Котором я сказал, что*

Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня (Ин. 1: 15). Младший оказывается старшим, меньший — большим. Интересный круг! Прошлое становится впереди и оказывается предметом эсхатологических чаяний: *Верующий в Сына имеет жизнь вечную* (Ин. 3: 36), — говорит Предтеча об Иисусе.

Итак, свидетельство Иоанна есть публичное опознание во Христе Сына Божия. Оно есть слово об Ипостасном Слове, Которое, будучи еще не опознанным, уже присутствует среди нас. Оно уже включено в наш повседневный опыт. *Стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете* (Ин. 1: 26), — говорит Иоанн. То есть Христа видели, Его слышали, но не могли узнать в Нем Сына Божия. И только после свидетельства Иоаннова два ученика пошли за Иисусом (Ин. 1: 37).

Каждый из нас, в определенном смысле, является предтечей слова. Как некогда иудеи, так ныне наша паства, наши дети имеют посреди себя всю полноту духовной жизни, воплощенную в таинствах Церкви. Благодать этих таинств уже действует в их жизни. Но духовный рост требует, чтобы человек осмысленно приобщался к благодати и сознательно шел по пути заповедей Христовых. Как говорит апостол Павел: *Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом* (1 Кор. 14: 15). Поэтому он и увещивает коринфскую паству *молиться о даре истолкования* (1 Кор. 14: 13). Итак, опыт для того, чтобы стать свидетельством, нуждается в *истолковании*.

То есть, возвращаясь к началу нашего доклада, к постановке проблемы, мы можем сказать, что и учащийся, и кающийся только тогда обретают навык соответственно обучения и покаяния, когда смогут расслышать в суете повседневности свой собственный путь, то, что образует личность и то, что мешает ей обрести свободу. Иначе учеба будет

зубрежкой, которая забывается после сдачи экзаменов, а исповедь — оговариванием самого себя, за которым следует не примирение с Богом, а смущение и тоска.

Во-вторых, опознание Слова, свидетельство о Нем становится *пророчеством*. Часто под пророчеством понимается сообщение о грядущих событиях. Это верно. Но, говоря о пророческом характере свидетельства, мне хочется отметить значение пророчества для тех, к кому оно обращено в настоящем.

Предтеча, говоря о том, что Иисус стал впереди него, являет красоту смирения. Тому должно расти, а ему, Иоанну, умяться. Будущее, которое открывается во Христе как время спасения, как «жизнь вечная», вскрывает замкнутость нашей жизни, делает нас открытыми и гибкими умом для различения духов и знамений времени.

Удивительно, что апостол Павел говорит о даре пророчества сразу после знаменитого гимна о любви. *Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать* (1 Кор. 14: 1); *Кто пророчествует, тот назидает Церковь* (1 Кор. 14: 4) — вот слова апостола, научающие нас тому, что пророчество есть явление любви. Как любовь сорадуется истине (1 Кор. 13: 6), так от лица Истины пророчествует свидетель. Он *говорит людям в назидание, увещание и утешение* (1 Кор. 14: 3). И здесь давайте отметим для себя третий, пневматологический аспект свидетельства. Оно совершается по действию Святого Духа. Человек в смирении опознаёт, то есть истолковывает и пророчествует об Иисусе как Сыне Божиим действием Святого Духа.

Последнее особенно важно для нас. Потому что, к сожалению, мы часто становимся очевидцами всевозможных лжесвидетельств, совершаемых от высокоумия. И удивительно, что такие самозванцы оказываются весьма востребованными. Помышляя о себе, что достигли меры совершенства, они соблазнят

ют своим самопознанием и паству Христову. Именно смиренный, взыскующий не своей славы, а славы Божией; тот, кто созидает Церковь, а не памятник своей гордыне, — может быть подлинно свидетелем.

И теперь мы приходим к завершению нашего размышления. Мне представляется важным сказать, что свидетельство — не только в слове. Оно может быть безмолвным, а само безмолвие — красноречивым!

В названии нашего размышления мы указали на то, что свидетельство есть путь. Этот путь приводит к безмолвию, что мы видим и в завершении земного пути Господа Иисуса. Будучи передан Пилатом во власть Ирода, Он не отвечает на его вопросы. Будучи распят, Он не увещевает народ. Воскреснув, Он не укоряет. Господь Иисус Христос — Сущий Бог. Он есть Сущий. Его бытие само по себе есть свидетельство об Истине (Ин. 18: 37).

Трудно говорить о безмолвии. Поэтому уста наши будут говорить словами преподобного Исаака Сирина. «Когда на одну сторону положишь все дела жития сего, а на другую молчание, — говорит преподобный отец, — тогда найдешь, что оно перевешивает на весах. Много советов человеческих. Но когда сблизится кто с молчанием, излишним для него будет делание хранения их, и излишними окажутся прежние дела, и сам он окажется превосшедшим сии делания, потому что приблизился к совершенству».

Этот гимн молчанию становится понятным, когда преподобный отец далее свидетельствует: «Молчание есть таинство будущего века, а слова суть орудие этого мира». Безмолвными свидетелями являются сонмы мучеников, чье слово мы не слышим, но чья кровь вопиет к Небу и к нам. К Небу — как свидетельство верности, к нам — как зов любви.

Но не только мучеников, полагаю, мы должны отнести к числу безмолвных свиде-

телей. Дети — рожденные и нерожденные; старики — больные и здоровые; женщины, которые в повседневном подвиге воспитания, заботы, любви не имеют зачастую голоса и времени для того, чтобы выступить в публичном пространстве.. Все они поистине могут стать свидетелями Правды.

Мне хочется завершить свое выступление воспоминанием о московском протоиерее Михаиле Труханове, мученике веры, пережившем лагерь, выжившим и почившем несколько лет назад близ Минска. Возможно, вы знакомы с его книгами.

Мы не виделись с ним долгие годы. И вот когда я узнал, что старец остановился недалеко от Минска, то я отправился на встречу с ним. По немощи, он уже не мог вставать и лежал на кровати. Над ним висела икона новомучеников. Не та, которую мы теперь все знаем, а другая, написанная, должно быть, кем-то из его духовных чад. Многих святых, изображенных на иконе, он знал, наверное, лично. И вот когда мы увиделись, мы не могли сказать друг другу ни слова от переполнявших нас чувств. Глядя на него, лежащего безмолвно под иконой новомучеников, на слезы, текущие из его глаз, мне казалось, что я вижу и слышу соборное славословие Богу святых, изображенных на иконе. Он сам имел прямое — пусть и молчаливое — отношение к этому образу. Он был свидетелем той святости, о которой рассказывал образ новомучеников, преодолевшим долгую дорогу, от молчания к слову, от слова к безмолвию..

Дай Бог, чтобы мы никогда не забывали о подвиге свидетельства наших братьев и сестер. Чтобы и сами были свидетелями, истолковывающими, пророчествующими, не уташающими Духа, но вдохновляющими новые поколения христиан к подвигу жизни во Христе. Да сподобит нас Господь и впредь радовать друг друга свидетельством нашего шествия по Пути, Который есть одновременно Истина и Жизнь, Христос Бог наш.